

—

XVI.

— Ваше Величество!

В одно мгновение лица всех присутствующих стали смертельно бледными.

И в этот самый миг Сяо Ханьсинь, подтверждая, что они с Тан Шэном действительно стоят друг друга, проявила поразительную слаженность: она атаковала Гу Сыюаня с другой стороны.

Мастерство Сяо Ханьсинь было куда выше, чем у Тан Шэна; к тому же в недавней схватке она почти не пострадала и сохранила немало сил.

При виде этой сцены сердце Се Чэньюня едва не остановилось.

Однако в тот миг, когда эти двое уже достигли цели, произошел внезапный поворот.

На глазах у всех присутствующих этот изнеженный, драгоценный император, якобы не владеющий боевыми искусствами, чей лик всегда оставался холодным и бесстрастным, внезапно вскинул ладони. С молниеносной быстротой, превосходящей воображение, он перехватил запястья Тан Шэна и Сяо Ханьсинь.

Вся их яростная атака захлебнулась в то же мгновение.

Выражение лица Гу Сыюаня не изменилось, лишь в центре его ладоней едва заметно блеснула внутренняя сила.

— А-а-а!

Руки Тан Шэна и Сяо Ханьсинь — от запястий до самых плеч — вмиг обмякли, превратившись в бесформенную массу; их кости были раздроблены в прах.

— А-а-а... Моя рука... А-а-а...

Непрекращающиеся пронзительные крики боли ударили по ушам всех свидетелей.

Кровь, безостановочно брызжащая изо ртов нападавших, мгновенно окрасила их одежды в багровый цвет.

Гу Сыюань резко разжал пальцы и отбросил их в сторону, словно ненужный мусор, холодно бросив:

— Ищущие смерти ничтожества! Как вы посмели поднять руку на Меня? Я не раз щадил ваши жизни лишь потому, что в вас еще была нужда!

Увидев эту стремительную перемену, все присутствующие в трепете пали на колени:

— Ваши подданные не сумели защитить Вас должным образом, мы заслуживаем десяти тысяч смертей! Ваше Величество обладает божественным мастерством!

Единственным, кто не склонился, был, разумеется, Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь смотрел на Гу Сыюаня, и всё его былое беспокойство сменилось глубочайшим недоумением.

Нахмутив свои красивые брови, он в нерешительности спросил:

— Твоя... твоя внутренняя сила?

Суровый облик Гу Сыюаня слегка смягчился. Он ответил негромким голосом:

— Последние несколько месяцев я ежедневно усердно занимался боевыми искусствами. Оказалось, в этом есть толк.

— ... — Се Чэньюнь лишь молча кивнул.

Он попросту не знал, что сказать.

За эти несколько дней с момента отъезда из дворца Гу Сыюань шаг за шагом полностью разрушил все его прежние представления о себе.

Его боевое искусство оказалось настолько высоким, что он сумел в одно мгновение схватить и искалечить Тан Шэна и Сяо Ханьсинь так же легко, как если бы просто выпил воды или съел чашку риса.

Гу Сыюань, не заметив сложных чувств Се Чэньюня, повернулся к распростертому на земле Ян Таю:

— Нечего здесь больше задерживаться. Забирай Императорскую печать и возвращайся в армию У. Дождись завершения спектакля и не допусти больше никаких случайностей!

— Слушаюсь, — поспешно отозвался Ян Тай.

То, что император не стал его наказывать, уже было для него высшей милостью.

Близились сумерки.

Заходящее солнце бросало косые лучи, с реки дул вечерний бриз. На фоне усеянной трупами горы Сюаньцин и воинов в черных доспехах, которые сновали между телами, нанося контрольные удары, отчего повсюду брызгала кровь, обстановка казалась зловещей и мрачной.

Гу Сыюань стоял на краю обрыва, заложив руки за спину, и молча взирал на происходящее; в его сердце не было ни печали, ни радости.

Лишь спустя долгое время он почувствовал, что стоящий рядом человек ведет себя непривычно тихо.

Он повернул голову и холодно спросил:

— Почему ты всё время молчишь? Это не похоже на твой обычный нрав. Неужели испугался?

Се Чэньюнь покачал головой.

Подумав немного, он поднял взгляд и спросил:

— Всё, что произошло сегодня... Ты спланировал это еще до прибытия в Цзянчэн?

Гу Сыюань спокойно ответил:

— Не совсем так. До приезда был лишь набросок плана, я просто чувствовал, что момент подходящий. Окончательно я утвердил конкретные шаги только после того, как увидел людей из школы Пили в башне Линсюй.

Се Чэньюнь промолчал.

Что ж, выходит, все эти дни он зря волновался больше самого императора. Пока он до смерти злился из-за этого проклятого собрания, сам император уже давно решил отправить всех этих мятежных предателей на тот свет.

Более того, это был план, убивающий двух зайцев одним выстрелом: заодно подставить армию У, чтобы спровоцировать междоусобицу среди мятежников.

Он слегка облизал губы и продолжил расспросы:

— План Вашего Величества действительно безупречен. Значит, в тот день в башне Линсюй Вы тоже намеренно позволили Тан Шэну уйти?

Гу Сыюань без малейших колебаний кивнул:

— Верно. С его уровнем мастерства, если бы Я действительно захотел его схватить, это было бы проще простого.

Се Чэньюнь: «...»

«Хе-хе, ну и силен же ты».

Он надул губы и спросил снова:

— Но раз Ваше Величество обладает такими талантами, почему бы не обрушить на мир всю мощь своей армии? Почему бы не явить всем силу, способную подавить любого врага, и не запугать этих изменников? Зачем было устраивать такой спектакль и даже позволять Ян Таю забрать печать?

В определенных ситуациях тактика «наблюдения за дракой тигров со стороны», безусловно, выгодна. Но Гу Сыюань, как император, естественно, имел законное право карать мятежников. И, судя по проявленной мудрости, у него вполне хватило бы сил разобраться с ними открыто. В таком случае в будущих исторических хрониках могла бы появиться запись о его великих свершениях.

Гу Сыюань смотрел на реку вдалеке, чьи воды под лучами заката казались застывшими. Уходящее солнце освещало горы и реки — зрелище было неописуемо величественным.

Такую красоту должно видеть как можно больше людей.

Он негромко произнес после недолгого раздумья:

— Крайность порождает хаос, а загнанная в угол собака прыгает через стену. Сегодня на горе Сюаньцин представители великих кланов хоть и питали дурные помыслы, но на словах они всё еще подчиняются двору Великой Чжоу и не подняли открытого восстания.

— К тому же здесь присутствуют мастера различных боевых сект, охраняющие их. Люди

боевых искусств не признают власти двора и больше всего любят преступать закон, полагаясь на силу. Если бы они узнали о Моих сегодняшних сокрушительных методах, это породило бы множество раздоров и столкновений. Тогда погибших было бы неизмеримо больше, а Я не желаю такого исхода.

— ... — Се Чэньюнь.

Глядя на сцену за своей спиной, Се Чэньюнь внезапно почувствовал полное смятение.

Он не понимал Гу Сьюаня.

Спустя долгое время он смог лишь сухо и коротко усмехнуться:

— Ваше Величество — поистине добрый император, раз Вы столь мягкосердечны и милосердны. Должно быть, поэтому Вы приложили такие усилия, чтобы переманить на свою сторону Лэй Яня, Ян Тая и прочих — лишь для того, чтобы они помогли прочно закрепить вину за случившееся на армии У.

— Совсем нет, — Гу Сьюань покачал головой.

— А? — Се Чэньюнь нахмурился.

Гу Сьюань посмотрел на него и бесстрастно произнес:

— Чтобы склонить на свою сторону таких ничтожеств, как Лэй Янь и Ян Тай, не нужно прилагать усилий. Куда бы ни пришел Император, нет того, кто не склонился бы перед Его величием.

— ... — Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь окончательно замолчал.

Ладно, хоть они и говорили о разных вещах, но в одном он был прав: с твоим коварством и умением просчитывать всё на десять шагов вперед, любой, кто вздумает тебе перечить, — истинный самоубийца.

Видя, что суэта на вершине окончательно утихла, Гу Сьюань обернулся и совершенно естественно взял Се Чэньюня за его тонкую белую ладонь.

— Спускаемся. Пора отправляться в Хуанчжоу.

— Хорошо, — тихо отозвался Се Чэньюнь.

Он опустил взгляд на их переплетенные пальцы, и ему вдруг показалось, что все те странные тревоги и мрачные предчувствия, терзавшие его раньше, были лишь плодом его воображения.

...

Последствия инцидента на горе Сюаньцин обещали быть глубокими и долгоиграющими. Тем более что, когда солдаты внизу «ловили рыбу», Гу Сьюань специально приказал оставить в живых несколько человек и дать им уйти.

Поэтому в кратчайшие сроки весть о том, что армия У захватила Императорскую печать и вероломно расправилась с главами великих кланов и лидерами боевых искусств, разнеслась по

всей Поднебесной.

Впрочем, эти заботы Гу Сьюаня уже не касались.

В тот день, в лучах ярко-оранжевого заката, отряд Гу Сьюаня вступил в город Хуанчжоу. В одной из усадеб в центре города Гу Сьюань величественно восседал на возвышении, обнимая Се Чэньюня. Рядом стоял толстый евнух Ван Тань, которого они не видели долгое время. Местные чиновники, включая губернатора Хуанчжоу, стояли внизу, затаив дыхание и опустив глаза.

— Как Ваше Величество мог проявить такое легкомыслие и самовольно покинуть армию? — с мрачным лицом произнес Вэй Чжэнпин.

Говоря это, он вовсе не пекся о безопасности монарха; его беспокоило то, что маленький император, похоже, всё больше и больше выходил из-под его контроля. И это было дурным знаком!

Гу Сьюань бросил на него ленивый взгляд:

— Мятежники из семьи У еще не напали, так почему бы Нам не отправиться на прогулку с Нашей любимой наложницей? Министр Вэй, что-то ты стал больно ворчлив в последнее время!

С этими словами он слегка сжал плечо Се Чэньюня. Тот мгновенно очнулся от своих мыслей и выдавил на лице улыбку:

— И то верно, господин Вэй. Не знающий человек мог бы подумать, что это вы хозяин в Поднебесной. Неужели Его Величество должен докладывать вам о каждом своем шаге?

Вэй Чжэнпин сверкнул глазами в его сторону:

— Когда Я разговариваю с Императором, тебе, простолюдину, слова не давали!

Се Чэньюнь тут же пискнул и спрятался за спину Гу Сьюаня:

— Ваше Величество, мне страшно! Господин Вэй на меня так смотрит!

Гу Сьюань поспешно прижал его к себе, нежно успокаивая:

— Любимая, не бойся, не бойся...

Затем он холодно воззрился на Вэй Чжэнпина:

— Министр Вэй, красавица Се — душа чистая и бесхитростная, зачем ты так пугаешь её?

— ... — Вэй Чжэнпин.

«Чистая и бесхитростная»? Эта-то лисица-соблазнительница?

Он подавлял гнев, пока мог, но в конце концов выпалил:

— Ваше Величество, прежде вы были благоразумны. То, что вы оставили армию в этот раз, наверняка дело рук этой демонической наложницы. Ваше Величество, не стоит более внимать этим ядовитым речам!

— ... — присутствующие переглянулись.

Мир и впрямь перевернулся. Главный коварный сановник Великой Чжоу уговаривает маленького императора не поддаваться чарам и не слушать льстивых речей... Ха-ха.

— Господин Вэй, что за чушь вы несете? Его Величество мудр и проницателен, кто может его одурманить? — Се Чэньюнь тут же воспользовался моментом и, указывая на Вэй Чжэньпина, пожаловался: — Ваше Величество, посмотрите, господин Вэй, должно быть, совсем лишился рассудка, раз посмел усомниться в вашей мудрости!

Услышав это, Гу Сыюань мгновенно преобразился: лицо его стало ледяным, и он в ярости прикрикнул:

— Министр Вэй! Раньше Нам казалось, что ты человек понятливый, но теперь ты ведешь себя крайне глупо. Сначала ты мешал Нам возглавить поход, а теперь смеешь указывать, куда Нам ходить! Может, Нам просто отдать тебе трон, раз ты так хочешь всё решать за Нас?!

После этих слов в зале воцарилась гробовая тишина. Все присутствующие с глухим стуком рухнули на колени.

— Просим Ваше Величество сменить гнев на милость!

Гу Сыюань холодно усмехнулся:

— Какой еще гнев? Нам кажется, вы только и думаете о том, как бы за Нас всё решать!

— Рабы не смеют! — хором отозвались чиновники, прижимаясь лбами к полу.

Се Чэньюнь снова обнял императора за руку и мягко прошептал:

— Ваше Величество, не гневайтесь, не стоит тратить нервы на этих остолопов!

— Только ты понимаешь Нас, любимая, — кивнул Гу Сыюань и, раздраженно ударив по столу, прикрикнул на стоящих внизу: — Хватит с меня этой оравы бесполезных бездельников. Если дел больше нет — пошли прочь! Вечно вы только и знаете, как портить Нам настроение.

— ... — Вэй Чжэньпин.

Теперь Вэй Чжэньпин в полной мере осознал чувства тех придворных министров, с которыми боролся раньше. Столкнуться с таким безмозглым правителем, который слушает лишь лесть и наложниц, — это истинное испытание...

В этот момент герцог Сун внезапно выступил вперед с докладом:

— Докладываю Вашему Величеству: провизия и подкрепление из Жунина полностью прибыли и ожидают распоряжения о распределении по лагерям.

В прежние времена такое важное дело неизменно передали бы Вэй Чжэньпину. Но сейчас Гу Сыюань лишь окинул того гневным взглядом и небрежно бросил герцогу Суну:

— Тогда пусть герцог сам с этим разберется. Как подготовите предварительный план, представьте доклад Нам на подпись.

Лицо Вэй Чжэньпина мгновенно изменилось, он шагнул вперед:

— Ваше Величество, герцог стар и слаб телом, он много лет не командовал войсками. Боюсь, это назначение будет опрометчивым.

Герцог Сун отрезал:

— Дерзость! Если не я, то неужели ты справишься?

Вэй Чжэнпин тут же отозвался:

— Готов разделить заботы Вашего Величества.

Герцог Сун пришел в ярость:

— Бесстыдник!

Вэй Чжэнпина это ничуть не задело, он лишь слащаво улыбнулся:

— Не гневайтесь так, герцог, гнев вредит здоровью, особенно в вашем почтенном возрасте...

— Ваше Величество, ну посмотрите же! Я же говорила, что господин Вэй совсем обезумел! — раздался сверху мелодичный и звонкий голос. — Вы ясно сказали передать дела герцогу Суну, а он продолжает сомневаться в вашем решении и хочет всё делать по-своему!

Се Чэньюнь с самым невинным видом дул в уши императору. Гу Сыюань тут же сорвался на крик, указывая на Вэй Чжэнпина:

— Вэй Чжэнпин! Ты еще ставишь Нас во что-нибудь? Я сказал — передать герцогу Суну, значит, так тому и быть! Ты и впрямь сегодня решил за Нас всё решать?!

Лицо Вэй Чжэнпина потемнело:

— Старый раб не смеет, однако, Ваше Величество...

Гу Сыюань небрежно швырнул чашку со стола, и она разбилась у ног сановника:

— Не смеешь? Не смеешь — так чего же ты тут распинаешься? Проваливайте все вон, Я устал и хочу отдохнуть!

— Повинуюсь, — тут же отозвался герцог Сун и поспешил выйти.

Вэй Чжэнпин бросил на Гу Сыюаня глубокий, тяжелый взгляд и тоже медленно удалился. Губернатор Хуанчжоу, следовавший за ними, незаметно подмигнул коллегам.

Поистине, сердце государя глубоко, как море, а близость к нему — как близость к тигру! При дворе все знали, что император безгранично доверяет «Девятитысячелетнему» господину Вэю, но теперь было видно, что былому влиянию приходит конец...

С мрачным видом Вэй Чжэнпин дошел до своих покоев в изящном дворике.

— Отец, что случилось? — спросил Вэй Фэн, видя, что от Вэй Чжэнпина исходит аура ярости.

— Проклятье! — Вэй Чжэнпин взмахнул широким рукавом, и чайный сервиз на столе мгновенно разлетелся вдребезги. — Кто бы мог подумать, что этот болван и впрямь до такой степени потеряет голову от этого никчемного красавца Се, присланного герцогом Сунм?

Теперь он слушает каждое слово этой лисицы, а меня и вовсе отстранил. Он забыл, чьими стараниями он вообще уселся на этот трон!

Вэй Фэн посерьезнел:

— Отец, неужели вы хотите...

Вэй Чжэнпин прищурился:

— Здесь неподходящее место, люди Суна следят слишком пристально. Поговорим об этом, когда вернемся в столицу.

Вэй Фэн тоже был недоволен:

— И что же, просто смотреть, как маленький император и герцог Сун ведут себя столь вызывающе?

Вэй Чжэнпин покачал головой:

— Раз он так любит красивых лисиц... Если герцог Сун может прислать любовника, разве я не могу? Кроликов с двумя ногами в этом мире найти трудно, а вот людей — пруд пруди. Те люди, о которых я просил тебя позаботиться, готовы?

Вэй Фэн кивнул с сальной ухмылкой:

— Уже в боковом флигеле. Хе-хе, наш император таится, думая, что все вокруг слепцы и не видят, что этот «красавец Се» на самом деле — мужчина до мозга костей. То-то я гадал, каких только дев он не видел, а тут вдруг так голову потерял. Оказывается, вкус сменился.

Лицо Вэй Чжэнпина было суровым:

— Если на этот раз император снова проявит упрямство и не пожелает быть послушным, пусть не винит меня...

Вечер.

Отужинав, Гу Сыюань и Се Чэньюнь отправились смыть дорожную пыль. В военном походе усадьба была не столь изысканна, как дворец в Цзиньлине, но для императора всё было устроено по высшему разряду.

Сбросив одежды и войдя в купальню, Гу Сыюань увидел восемь служанок, готовых прислуживать ему. Он взмахнул рукой и холодно произнес:

— Я хочу тишины. Ступайте прочь.

Взгляды девушек задержались на его совершенном теле, словно изваянном богами, но они не посмели перечить и, краснея, попятились к выходу.

— Слушаемся.

Гу Сыюань распустил волосы и, закрыв глаза, откинулся на край бассейна, полностью расслабившись. Поднимался густой белый пар. Иногда задувал прохладный ветерок, принося облегчение. Чувствуя мягкое прикосновение воды, Гу Сыюань вспомнил рябь на реке, которую видел недавно, и в его душе внезапно всплыло некое озарение.

Он сел прямо в воде, скрестив ноги, и начал циркулировать внутреннюю силу согласно «Первозданному искусству Неба и Земли». Энергия в меридианах текла мощным, беспрепятственным потоком.

Спустя неопределенное время Гу Сыюань закончил практику и легко выдохнул: на этот раз прогресс был велик, все барьеры пали. В этот момент за его спиной послышался легкий шум.

— Я же сказал, мне не нужно прислуживать, — ровным голосом произнес Гу Сыюань, не оборачиваясь.

В туманном мареве его низкий голос звучал еще более притягательно. Возможно, именно поэтому стоящие за спиной не отступили. Теплая ткань полотенца мягко коснулась его руки, а тонкие пальцы осторожно легли на плечи.

Гу Сыюань резко открыл глаза и столкнулся взглядом с двумя очень похожими юношескими лицами. Несмотря на то что это были юноши, на них были надеты тонкие шелковые дворцовые одежды, едва прикрывавшие белоснежную кожу. Поняв, что им предстоит ублажать императора, и встретив его пронзительный, словно у ястреба, взгляд, они мгновенно вспыхнули румянцем.

Гу Сыюань нахмурился:

— Кто вы такие и кто вас прислал?

Тот, что выглядел чуть более скромным, тут же ответил:

— Раб Чэнь Ся, а это мой брат Чэнь Цю. Генерал Вэй приказал нам прийти и прислуживать Вашему Величеству.

Гу Сыюань на мгновение опустил веки, сразу разгадав замысел Вэй Чжэньпина. Надо же, даже близнецов нашел. Он коротко усмехнулся и, подняв голову, бросил им:

— Уходите. Мне это не интересно.

Услышав это, оба юноши с плеском бросились в воду прямо к его ногам:

— Ваше Величество! Генерал Вэй сказал, что если мы не сумеем угодить Вашему Величеству, то мы и наши семьи лишимся жизней!

— Ваше Величество, рабы ни на что не претендуют, лишь бы нам позволили остаться подле Вас...

С этими словами они попытались прильнуть к Гу Сыюаню. Тот уже собирался оттолкнуть их, как вдруг...

— Ваше Величество!

Раздался еще один голос — свободный и небрежный. Штора, закрывавшая вход в купальню, была резко отброшена. Узнав голос Се Чэньюня, Гу Сыюань перестал обращать внимание на близнецов и повернул голову, слегка вскинув бровь:

— Чэньюнь? И ты пришел? Моя купальня сегодня на редкость многолюдна!

Се Чэньюнь стоял за занавесом. Глядя на представшую картину, он нахмурился, а его взгляд

стал холодным, как лед. Он буквально процедил сквозь зубы:

— Гу Сыюань! Что ты творишь!

Гу Сыюань нахмурился, почувствовав, что настроение Се Чэньюня явно не в порядке. Он поднялся из воды, и капли влаги покатались по его мускулистому телу. Набросив на плечи халат, он направился к выходу:

— Чэньюнь, ты...

Се Чэньюнь бросил на него полный ненависти взгляд. В следующее мгновение шелковая занавеска в его руках разлетелась на мелкие кусочки, закружившись в воздухе. Затем он нанес мощный удар ладонью в сторону бассейна. Поскольку его практика «Священного канона Нирваны» достигла определенного уровня, удар был сокрушительным.

Белые волны взметнулись вверх. Огромная мощь удара буквально снесла часть крыши: черепица треснула и градом посыпалась вниз. Братья-близнецы, находившиеся в воде, мгновенно потеряли сознание от ударной волны; из уголков их ртов потекла кровь.

Но Се Чэньюню этого было мало. Коснувшись носками пола, он собрался броситься вперед, чтобы убить их обоих и навсегда стереть из своей памяти. Гу Сыюань, видя это, нахмурился и сделал шаг. В долю секунды он перехватил Се Чэньюня прямо в воздухе, прижал к себе и холодно спросил:

— С чего это ты здесь безумствуешь?!

Но это сопротивление лишь окончательно лишило Се Чэньюня рассудка. Он горько усмехнулся и попытался атаковать самого Гу Сыюаня. Тот не собирался безропотно сносить удары: одним движением он заблокировал его руки, а другой ладонью нанес удар по плечу Се Чэньюня, мгновенно перекрыв основные акупунктурные точки и заблокировав его внутреннюю силу.

От резкого обратного удара собственной заблокированной энергии Се Чэньюнь согнулся и выплюнул кровь, в мгновение ока превратившись в беззащитного ягненка.

Ван Тань наконец вбежал в помещение с охраной. Глядя на разруху, он пролепетал:

— Ваше Величество... Император... Покушение?

Гу Сыюань подхватил ослабевшего Се Чэньюня, чьи ноги подкашивались от ранения и отдачи. Подумав, он просто взял его на руки. Се Чэньюнь, словно тряпичная кукла, не сопротивлялся.

Гу Сыюань нахмурился. Несмотря на свой выдающийся ум, он совершенно не понимал причин случившегося. Он посмотрел на Ван Таня:

— Вызови лекаря для тех двоих в бассейне, а затем возьми их под стражу.

Сказав это, он вышел, неся Се Чэньюня. Пройдя через длинную галерею в спальню, он усадил его в кресло и пристально посмотрел в глаза:

— Ну, рассказывай. Что, черт возьми, произошло?

Хотя точки Се Чэньюня были заблокированы, его сознание было ясным. Он поднял веки и, видя искреннее недоумение на лице Гу Сыюаня, почувствовал в голове рой мыслей, которые в итоге показались ему нелепыми и смешными.

«Неужели императоры по своей природе действительно не способны понять, что такое чувства?» Он даже не понимал, на что он злится.

Видя бледность его губ, Гу Сыюань набросил на него халат и подал чашку горячего чая. Се Чэньюнь сжал фарфор тонкими пальцами и, наконец, спросил:

— Ваше Величество, те двое...

Гу Сыюань тоже налил себе чаю и буднично ответил:

— Их прислал Вэй Чжэнпин прислуживать Мне. Видимо, хотел подослать шпионов, чтобы те шептали Мне в уши. Сегодня Я нанес ему серьезное оскорбление.

Руки Се Чэньюня, сжимавшие чашку, побелели. Он тихо произнес:

— Раз Ваше Величество знали об их намерениях, почему не прогнали сразу? Неужели их внешность приглянулась Вам настолько, что Вы решили их оставить?

Гу Сыюань взглянул на него и спокойно ответил:

— Разумеется, нет. Ты пришел как раз вовремя — Я как раз собирался их выставить.

— Правда? — Се Чэньюнь резко поднял голову, в глазах мелькнула надежда. Неужели он ошибся?

Гу Сыюань усмехнулся:

— Зачем Мне лгать в такой мелочи? К тому же Вэй Чжэнпин прислал этих двоих, скорее всего, из-за тебя. Он решил, что Мои вкусы изменились и Мне теперь нравятся мужчины.

При этих словах чашка выпала из рук Се Чэньюня и разбилась о пол. Он поднял взор на Гу Сыюаня и, облизнув сухие губы, спросил сиплым голосом:

— Ваше Величество... Император... Значит ли это, что на самом деле Вам вовсе не нравятся мужчины?

—

<http://bllate.org/book/14483/1281668>